

С.А. Сахаров

ОБРАЗ ДИОКЛЕТИАНА В СОЧИНЕНИИ ЛАКТАНЦИЯ «О СМЕРТЯХ ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЕЙ»

В работе рассматривается образ императора Диоклетиана как политика и человека в сочинении «О смертях преследователей» видного христианского мыслителя Лактанция. Его труд позволяет не только рассматривать характер взаимоотношений римского государства и христианской Церкви в период оформления системы домината, но и взглянуть на политико-идеологическую обстановку в позднеримском обществе, переживавшем масштабные трансформационные процессы, затронувшие практически все сферы жизни. Одним из таких процессов стало изменение положения, роли и статуса христианства, которое в рассматриваемый период из гонимого религиозного учения постепенно превращается в религию господствующую.

Ключевые слова: Диоклетиан, Лактанций, Галерий, «О смертях преследователей», Поздняя Римская империя, доминат, история христианской Церкви, христианизация Римской империи, государство и церковь в Римской империи, Великое гонение.

Изучая историю стран и народов, следует стремиться не только к объективному освещению череды событий, составляющих суть исторического процесса, но и обращать внимание на восприятие этих событий современниками, людьми, жившими «внутри» изучаемой эпохи и оценивавшими ее с позиций живого созерцания и непосредственного участия. В противном случае мы рискуем свести историю к простому перечислению фактов и имен, лишенных логических связей в контексте развития человеческого общества.

Точно так же, изучая деятельность любого государственного лидера, оценивая роль и значение осуществленных им преобразований, необходимо обращать внимание на их оценки теми, кто имел возможность непосредственно созерцать плоды его политики. Только так мы сможем «оживить» историю, воссоздать не только события эпохи, но и ее настроения, эмоциональное содержание. Названный принцип в особенности необходимо учитывать, когда речь идет о политических фигурах, подобных Диоклетиану — политиках, поступки которых влекли за собой изменения в укладе жизни целых империй и населявших их народов.

Станислав Александрович Сахаров — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета (sacharov.stanislav@yandex.ru).

Диоклетиан, правление которого ознаменовалось преобразованиями, заложившими основы государственно-политической системы Римской империи в период поздней античности, безусловно, стал знаковой фигурой римской истории. С него начинается период «новой империи»¹, отличавшейся, как отмечает М.М. Казаков, «от классической античности по всем критериям»². Эпоху, открытую правлением Диоклетиана, называют периодом Поздней Римской империи прежде всего в силу того, что в это время была создана новая политическая система³.

Для изучения правления этого императора огромную ценность представляют работы христианских авторов, что объясняется двумя причинами. Во-первых, с учетом того, что время Диоклетиана оказалось периодом, когда складывались предпосылки для союза христианства и римского государства, «когда империя созрела для обращения в христианство, а христианство оказалось готовым к «обращению» в империю»⁴, необходимо иметь в виду, что позиция христианского мыслителя отражала умонастроения существенной социально-политической силы — сторонников христианства — оказывавшей значительное влияние на протекавшие в империи процессы. Во-вторых, нельзя забывать о том, что с источниковедческой точки зрения христианской церковью была проделана огромная работа, связанная с созданием обширного литературного наследия, без которого изучение истории Поздней Римской империи не представляется возможным⁵. Иными словами, как отметил в свое время А.П. Лебедев, «для того, кто хочет знать прошедшее, церковный историк не только дает возможность удовлетворить этому знанию, но сам служит наиболее ярким примером того, какими интересами жило, к чему стремилось общество данного времени, какими знаниями обладало ... и как судило о своем и прошедшем времени»⁶.

Применительно к эпохе Диоклетиана большое значение имеет сочинение Лактанция «О смертях преследователей», ставшее откликом на пережитые цер-

¹ Cameron A. The Later Roman Empire. A.D. 284–430. Cambridge, 1993. P. 30.

² Казаков М.М. Христианизация Римской империи в IV веке. Смоленск, 2002. С. 113.

³ Казаков М.М. Тетрархия и доминат: политический эксперимент и историческая практика // Проблемы государственно-политического развития истории стран Европы. Сборник научных статей. Смоленск, 2004. С. 12.

⁴ Казаков М.М. Христианизация Римской империи... С. 114.

⁵ Лебедев А.П. Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX вв. СПб., 1903. С. 7.

⁶ Там же. С. 10.

ковью и империей события⁷. Следует заметить, что труд этого автора — «христианского Цицерона» начала IV в.⁸ — по сути закладывает основы латинской христианской историографии⁹.

Историческая наука обладает крайне немногочисленными сведениями о жизни и творчестве этого мыслителя. В распоряжении ученых имеются упоминания самого Лактанция о своей жизни, на основании которых, безусловно, крайне сложно составить представление о его деятельности. В дополнение к названному сохранились отдельные сообщения о нем в работах более поздних христианских авторов¹⁰.

Фирмиан Цецилий Луций Лактанций родился в языческой семье в середине III века, вероятнее всего в Северной Африке, где и получил риторическое образование¹¹. Хотя точные место и время его рождения были и остаются предметом многочисленных дискуссий. Приблизительно в 290 г. он был приглашен в Никомедию, где при дворе Диоклетиана требовался преподаватель латинской риторики¹². На этом поприще Лактанций достиг больших высот. Неслучайно выбор императора и его приближенных пал именно на него¹³. При этом, в Никомедии Лактанций жил крайне бедно¹⁴. Вероятно, здесь же он стал ревнителем христианства¹⁵, что может быть обусловлено его материальным положением¹⁶.

Сочинение «О смертях преследователей», датируемое 314/315 гг.¹⁷, представляет большую ценность как источник по истории Римской империи периода становления государственно-политической системы домината¹⁸. По сути, Лактанций становится автором исторической монографии, содержащей множество политических подробностей, что выделяет его труд из христианской литературы IV века. «О смертях преследователей» обладает конкретным сюжетом. Для

⁷Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии. С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. СПб., 2005. С. 41.

⁸Князький И.О. Император Диоклетиан и конец античного мира. М., 1999. С. 15.

⁹Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии... С. 41.

¹⁰Тюленев В.М. Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох. СПб., 2000. С. 8.

¹¹Там же.

¹²Там же. С. 9.

¹³The Works of Lactantius. Vol. I. Edinburgh, 1871. P. IX.

¹⁴Ibidem.

¹⁵Тюленев В. М. Лактанций... С. 9.

¹⁶The Works of Lactantius. Vol. I. P. X.

¹⁷Alfoldi A. The Conversion of Constantine and Pagan Rome. Oxford, 1948. P. 45.

¹⁸The Cambridge Ancient History. Vol. XII. The Crisis of Empire, A.D. 193–337. Cambridge, 2005. P. 77.

автора сочинения важно обнаружение причинно-следственных связей рассматриваемых им событий¹⁹.

Вместе с тем, труд Лактанция носит ярко выраженный тенденциозный характер. Будучи ненавистником гонителя своих единоверцев, автор подвергает жесткой критике Диоклетиана и его соправителей²⁰. При этом он изначально наполняет историю империи христианским смыслом²¹, добавляя в нее что-то свое, глубоко переживаемое²².

Определяя задачи своего труда, Лактанций ставит в центр внимания два фактора. Первый — это судьба императоров, преследовавших христиан, второй — судьба правителей, защищавших церковь. Кроме того, он стремится показать непосредственное участие Бога в истории²³

Труд Лактанция всегда занимал видное место в среде сочинений христианских писателей, что обусловлено как предметом исследования, так и эрудицией автора, изяществом языка и элегантностью стиля²⁴. Ценность сведений, которые мы черпаем у него, обуславливается тем, что он, вероятно, оставался в Никомедии или ее окрестностях в течение всего Великого гонения и, таким образом, использует в своем сочинении как собственные наблюдения, так и данные доступных источников²⁵. Надо заметить, что близость Лактанция к императорскому двору открывала перед ним прекрасные возможности для сбора необходимого ему материала, которую он, видимо, использовал. Именно благодаря этому «О смертях преследователей» позволяет делать выводы не только о религиозной, но и о светской политике позднеримских императоров²⁶.

Безусловно, Лактанций рассматривает Диоклетиана и осуществленные им мероприятия сквозь призму их полезности или вредности для христианства. С подобных позиций христианский мыслитель оценивает деятельность любого правителя. По мнению Лактанция, не случайно, что те из них, кто преследовал христиан, подвергаются соответствующему Божьему наказанию. Антихристи-

¹⁹ Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии... С. 41.

²⁰ Князький И.О. Император Диоклетиан... С. 15.

²¹ Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии. С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. СПб., 2005. С. 42.

²² Ogilvie R.M. The Library of Lactantius. Oxford, 1978. P. 31.

²³ Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии... С. 44.

²⁴ The Works of Lactantius. Vol. I. P. IX.

²⁵ Christensen A.S. Lactantius the Historian: An Analysis of the De Mortibus Persecutorum. Copenhagen, 1980. P. 42.

²⁶ Jones A.H.M. The Later Roman Empire. 284–602. A Social, Economic, and Administrative Survey. Vol. I. Baltimore, 1986. P. 37.

ански настроенных императоров Лактанций не стесняется именовать в откровенно оскорбительных выражениях. Так, например, Нерон, «гнусный и преступный тиран», который «распял Петра и убил Павла», за свое злодеяние понес должное наказание. «Сброшенный с высот империи и поверженный» после своей смерти он не получил ни малейшего почитания, ибо «даже место погребения столь лютого зверя не было обнаружено»²⁷. «Спустя много лет появилась достойная проклятия тварь — Деций, угнетавший христиан»²⁸. «Не будучи удостоен какого-либо погребения, но брошенный и обнаженный, он остался лежать на пищу зверям и птицам, как это и полагалось врагу Божьему»²⁹.

Иными словами, Лактанций повествует о судьбе императоров-гонителей в целях назидания потомкам. Ведущей для своего произведения он делает идею «божественной педагогики», объектом которой выступают нечестивые правители³⁰. Сам Лактанций прямо говорит об этом: «В своем сочинении я хотел бы собрать свидетельства о ... смерти (нечестивых императоров), чтобы все, кто находились даже далеко или кто будут позже, узнали бы, как Бог обнаружил мужество и величие против врагов, стирающих и уничтожающих имя Его. Не будет лишним, однако, если я буду излагать о тех, что были гонителями Церкви, и о том, в каких карах для них проявилась суровость небесного судьи»³¹.

В ключе сказанного совершенно очевидно, что Лактанций должен был уделить самое пристальное внимание Диоклетиану, в годы правления которого произошло одно из последних, но, в то же время, жесточайшее гонение на христиан³², или, по словам М.Э. Поснова, «последняя битва язычества и христианства»³³. Этот же факт обуславливает и явно неприязненное отношение христианского писателя к этому императору, негативную оценку осуществляемых им мероприятий.

«Карьера» Диоклетиана довольно типична для эпохи, когда судьбами императорского трона распоряжалась армия. Собственно говоря, он и поднялся

²⁷ *Lactantius. De mortibus persecutorum. II. 7 // Patrologiae cursus completus. Series latina. Ed. J.-P. Migne. T. 6–7. Paris, 1844. (Лактанций. О смертях преследователей. Пер. В.М. Тюленева. СПб., 1998. С. 120).*

²⁸ *Ibidem. IV. 1 (Там же. С. 127).*

²⁹ *Ibidem. II. 7 (Там же. С. 120).*

³⁰ *Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии... С. 47.*

³¹ *Lactantius. De mortibus... I. 7 (Лактанций. О смертях преследователей... С. 114).*

³² *Лебедев А.П. Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом. СПб., 2006. С. 138.*

³³ *Поснов М.Э. История христианской Церкви (до разделения Церквей — 1054 г.). Брюссель, 1964. С. 103.*

на вершины власти из военной среды. Относительно его происхождения есть сведения, что будущий «спаситель» империи был сыном вольноотпущенника из Иллирии или Далмации. Существует даже мнение, что его родители и вообще были рабами³⁴. На момент провозглашения императором Диоклетиан, настоящее имя которого — Диокл, был командиром личной гвардии императора Нумериана³⁵. О первой половине жизни Диоклетиана известно крайне мало³⁶.

Рассказ о Великом гонении Лактанций начинается с портретного описания императора³⁷. Последнее явно расходится с описаниями этого правителя в историографии, в том числе и в церковной. Так, Диоклетиан, по Лактанцию, «мастер злодейств и убийств и виновник бедствий...»³⁸. Подобная оценка противоречит замечанию А.П. Лебедева, который указывает, что «по единодушному свидетельству древних,... Диоклетиан был замечательным политиком, внимательным администратором» и т.д.³⁹

По поводу мероприятий, связанных с установлением тетрархии, административно-территориальным переустройством империи, усилением армии⁴⁰, Лактанций отмечает, что «Диоклетиан опрокинул круг земной как алчностью, так и робостью своей. Он назначил трех соучастников своего правления, поделив мир на четыре части и увеличив войско, так, что каждый из них стремился иметь значительно больше воинов, чем было у прежних принцев»⁴¹. Характеризуя финансовые реформы Диоклетиана, которые были обусловлены необходимостью содержать разросшуюся бюрократию и армию⁴², автор трактата свидетельствует, что при этом императоре «число взимающих настолько стало превышать число дающих, что колоны, разоряемые непомерными повинностями, забрасывали поля, и хозяйства превращались в леса»⁴³.

Иными словами, Лактанций вовсе не склонен считать, что мероприятия Диоклетиана привели к стабилизации и восстановлению римской экономики. Напротив, автор оценивает деятельность этого императора исключительно

³⁴ Казаков М.М. Христианизация Римской империи... С. 114.

³⁵ Barnes T.D. Constantine and Eusebius, Cambridge, 1981. P. 4.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии... С. 51.

³⁸ Lactantius. De mortibus... VII. 1 (Лактанций. О смертях преследователей... С. 132).

³⁹ Лебедев А.П. Эпоха гонений на христиан... С. 147.

⁴⁰ Barnes T.D. Constantine and Eusebius. P. 9–10.

⁴¹ Lactantius. De mortibus... VII. 2 (Лактанций. О смертях преследователей... С. 133–134).

⁴² Казаков М.М. Христианизация Римской империи... С. 117.

⁴³ Lactantius. De mortibus... VII. 3 (Лактанций. О смертях преследователей... С. 135).

но негативно, считая, что ее результатом стало разорение населения империи и всеобщая ненависть к власти⁴⁴. Между тем, в историографии вторая половина правления Диоклетиана традиционно рассматривается как время политической, военной и экономической стабилизации после предшествующего столетия хаоса⁴⁵.

По свидетельству Лактанция, «чтобы разоренные были преисполнены страхом, провинции также были без толку разрезаны на куски. Множество чиновников и должностных лиц стали править в отдельных областях и чуть ли не в городах так же, как и многочисленные казначеи, магистры и викарии префектур. Из-за них все частные дела стали чрезвычайно редкими, а частыми только лишь штрафы и проскрипции, бесчисленные же повинностные дела не частыми, а постоянными, и в том, что касалось податей (царило) невыносимое беззаконие»⁴⁶. Таким образом, Лактанций отмечает тенденцию к усилению бюрократизации империи⁴⁷, составляющей основу «нового стиля» управления⁴⁸.

Что касается знаменитого диоклетиановского эдикта о ценах 301 г., являющего собой, по замечанию М.М. Казакова, «первую в истории попытку государства регулировать обращение путем установления максимальных цен и первую в истории римского государства попытку государственного вмешательства в экономику»⁴⁹, то тут Лактанций обвиняет Диоклетиана во всех грехах и бедах, постигших римских подданных. «Устроив, — как пишет Лактанций, — посредством различных ухищрений немислимое повышение цен, он попытался установить закон о ценах на товары. Тогда из-за скудости и нищеты пролилось много крови, так что даже неприсяжные к торговле были охвачены страхом, а дороговизна свирепствовала все сильнее, пока тот закон после многих смертей не сошел на нет сам собой»⁵⁰.

В подобных условиях весьма прискорбной кажется автору «неуемная жажда строительства», завладевшая императором⁵¹.

Однако еще более опасными были присущие Диоклетиану зависть и коварство. «Увидев где-либо хозяйство или ухоженное здание, он уже был готов

⁴⁴ Князький И.О. Император Диоклетиан... С. 15–16.

⁴⁵ The Cambridge Ancient History. Vol. XII. The Crisis of Empire, A.D. 193–337. Cambridge, 2005. P. 67.

⁴⁶ Lactantius. De mortibus... VII. 4 (Лактанций. О смертях преследователей... С. 135–136).

⁴⁷ Cameron A. The Later Roman Empire. AD. 284–430. Cambridge, 1993. P. 39.

⁴⁸ Digeser E.D. The Making of a Christian Empire: Lactantius and Rome. New York, London, 2000. P. 25.

⁴⁹ Казаков М.М. Христианизация Римской империи... С. 117.

⁵⁰ Lactantius. De mortibus... VII. 6–7 (Лактанций. О смертях преследователей... С. 136–137).

⁵¹ Ibidem. VII. 8 (Там же. С. 137).

устраивать козни и страдания владельцу, как будто нельзя было ограбить каким-либо иным способом, без кровопролития»⁵².

Итак, руководствуясь стремлением наглядно продемонстрировать всю «нечестивость» подвергнутого христиан гонению императора, Лактанций не учитывает того обстоятельства, что мероприятия Диоклетиана всего лишь явили собой ответ на вызов времени, который правитель принял, успешно разрешив стоящие перед империей проблемы, ибо к началу IV века и внутренний, и внешний мир были восстановлены⁵³. Тем самым была подготовлена почва для укрепления позиций христианства при Константине, во время правления которого было продолжено начатое Диоклетианом радикальное переустройство римского мира⁵⁴. Реформы Диоклетиана, продолженные затем Константином, определяли фактически сложившееся положение дел и, соответственно, оформляли его в целях возрождения империи в новых условиях⁵⁵. Что же касается самой Церкви, то, по замечанию М.М. Казакова, значение для ее развития и укрепления событий IV в. столь велико, что сравнимо лишь с самим Священным Писанием⁵⁶.

Тем не менее, затрагивая реформаторские начинания Диоклетиана, основное внимание Лактанций, безусловно, обращает на взаимоотношения императора с христианской церковью. Обнаруживая причины гонения, Лактанций характеризует в целом Диоклетиана как правителя и человека, дает критический обзор созданной им политической системы⁵⁷.

Причины гонения, по мнению автора трактата, в первую очередь кроются в порочной природе императора⁵⁸. Причем речь в данном случае идет не столько о недостатках самого императора, сколько о его неспособности противостоять преступным посягательствам его соправителя Максимиана Галерия, который и предстает в повествовании Лактанция в качестве главного виновника постигших христиан бедствий⁵⁹.

⁵² *Ibidem*. VII. 12 (Там же. С. 138).

⁵³ Казаков М.М. Христианизация Римской империи... С. 114.

⁵⁴ *Bury J.B.* A History of the Later Roman Empire. From the Death of Theodosius I to the Death of Justinian (A.D. 395 to A.D. 565). Vol. I. London, 1923. P. 1.

⁵⁵ История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988. С. 639.

⁵⁶ Казаков М.М. Христианская Церковь и Римская империя в IV веке // Очерки истории христианской Церкви в Европе (Античность, Средние века, Реформация). Смоленск, 1999. С. 24.

⁵⁷ *Digeser E.D.* The Making of a Christian Empire: Lactantius and Rome. New York, London, 2000. P. 32.

⁵⁸ Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии... С. 47.

⁵⁹ Казаков М.М. Христианизация Римской империи... С. 122.

Надо сказать, что этот христианский историк вообще представляет Диоклетиана в образе довольно слабого, нерешительного правителя и даже трусливого человека. Проявилась эта слабость и трусость и тогда, когда «Диоклетиан, будучи охвачен страшным смятением и пав духом, ... не осмелился выступить на встречу Нарсею, царю персов», а «...послал через Армению цезаря Максимиана (Галерия)», который, «вернувшись с огромной добычей, добавил себе выскомерия, а Диоклетиану — страха»⁶⁰, так и в момент начала гонения, когда император против собственной воли уступил преступному порыву цезаря⁶¹.

При этом Лактанций, безусловно, не учитывает, что гонение вовсе не явилось стихийным явлением, возникшим в результате дурного воздействия на императора извне. Осуществленные им мероприятия нельзя рассматривать как проявление личной прихоти, как удовлетворение честолюбивых устремлений правителя⁶². Гонение на христиан, напротив, как отмечает А.П. Лебедев, нужно рассматривать как акт, входящий в его политические виды. Диоклетиан и его помощники были решительными приверженцами старых римских порядков⁶³. «Принимая в свои руки кормило правления Римской империи, Диоклетиан одушевлен был самым живым стремлением восстановить силу и величие государства. Последним параграфом в этой программе было подавление христианства», ибо «самой жизненной стороной его реформ было восстановление римской религии во всем ее прежнем величии и блеске»⁶⁴, что было невозможно, как пишет М.Э. Поснов, без «искоренения самого имени христианского»⁶⁵. Лактанций не учитывает и того, что развитие христианства, по замечанию М.М. Казакова, «во время правления Диоклетиана в рамках создаваемой им системы все больше приходило в противоречие с его замыслами. Христиане не признавали Юпитера и Геркулеса, ... считая их злыми демонами». «Отказываясь почитать Юпитера, они ... становились в открытую оппозицию по отношению к доминусу»⁶⁶ и создаваемой им государственно-политической системе. Не желавших признавать божественность власти императора христиан жестоко преследовали. Однако,

⁶⁰ *Lactantius. De mortibus... IX. 7 (Лактанций. О смертях преследователей... С. 143).*

⁶¹ *Ibidem. IX. 3–4 (Там же. С. 141–142).*

⁶² *Князький И.О. Император Диоклетиан... С. 58.*

⁶³ *Brown P. The Making of Late Antiquity. Cambridge, 1993. P. 47–48.*

⁶⁴ *Лебедев А.П. Эпоха гонений на христиан... С. 147–148.*

⁶⁵ *Поснов М.Э. История христианской Церкви... С. 104.*

⁶⁶ *Казаков М.М. Христианизация Римской империи... С. 121.*

следует заметить, что Церковь «как сплоченный вселенский союз всех христиан»⁶⁷ от этого не ослабела⁶⁸.

М.Э. Поснов, рассматривая в свое время причины гонения на христиан, подразделил их на три категории. К числу «причин общественных» он относил ненависть, с которой встречало греко-римское общество распространение христианства⁶⁹. «Причины религиозно-государственные» состояли в том, что «христианство оказалось в противоречии с основными законами Рима касательно религиозной жизни его граждан. Сложившийся правовой порядок империи предъявлял исповедникам ... требования, которых последние не могли выполнить, оставаясь христианами»⁷⁰. Наконец, «политические причины» гонения были связаны с тем, что «римляне издревле привыкли подозревать политические опасности в том случае, когда какой-нибудь чужестранный бог без позволения сената проникал в Рим и соединял около себя группы людей»⁷¹. Положение же вещей представлялось именно таким, так как до начала IV в. христианизация империи происходила в условиях нелегального или полулегального статуса христианства⁷², а христиане, следовательно, являлись нарушителями римских законов по трем основаниям: 1) как члены тайного общества; 2) как противники государственной религии и 3) как непочитатели культа правителя⁷³.

Лактанций причины гонения, последовавшего в конце правления Диоклетиана, видит несколько иначе.

Гонение, с точки зрения христианского писателя, начинается даже не в связи с происками Галерия, а вследствие эмоционального взрыва, произошедшего в сознании императора. «Когда он (Диоклетиан), — пишет Лактанций, — находился в восточных областях, то, чтобы изучить из страха будущие события, он приносил в жертву скот и по печени старался узнать грядущее. Тогда некоторые из служителей, знавшие Господа, когда присутствовали среди приносящих жертвы, стали осенять чела свои бессмертным знаком, от действия которого из-за бегства демонов таинства нарушались. Гаруспики заволновались, так как не видели во внутренностях привычных знаков, и, как бы

⁶⁷ *Поснов М.Э.* История христианской Церкви... С. 191.

⁶⁸ История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988. С. 644.

⁶⁹ *Поснов М.Э.* История христианской Церкви... С. 87.

⁷⁰ Там же. С. 90.

⁷¹ Там же. С. 91.

⁷² *Казаков М.М.* Проблема христианизации Римской империи // Исследования по зарубежной истории. Смоленск, 2000. С. 196.

⁷³ *Поснов М.Э.* История христианской Церкви... С. 92.

получив недоброе предзнаменование, приносили жертвы вторично. Но заклан-ные жертвенные животные ничего не показывали, пока глава гаруспиков Таг ... не сказал, что жертвы не отвечают потому, что в священнодействии участвуют непосвященные»⁷⁴. В результате, пришедший в ярость Диоклетиан, «приказал, чтобы не только те, кто прислуживал в обрядах, но и все бывшие во дворце приносили жертвы, а если кто откажется, наказывать тех плетью. Отдав письменные приказы препоzitам, он предписал и солдат принуждать к выполнению нечестивых обрядов, а тех, кто не явился, освобождать от воинской службы»⁷⁵. На этом, как пишет Лактанций, «свирепость и гнев его достигли ... апогея»⁷⁶, а христиане подверглись организованному и санкционированному императором преследованию, положившему начало Великому гонению.

Последнее вступало в противоречие с предшествующей религиозной политикой Диоклетиана, ибо от него, как пишет А.П. Лебедев, меньше всего следовало этого ожидать. «...гонение Диоклетиана случилось в самом конце его царствования, во все же прочее время своего правления он был в высшей степени благосклонен к христианам»⁷⁷. При нём христиане были заместниками провинций, занимали высокие посты в императорской администрации. Более того, жена и дочь самого доминуса были христианками⁷⁸.

Однако со временем ситуация стала меняться. Как уже отмечалось, начавшиеся преследования были обусловлены не столько свирепостью Диоклетиана, сколько его уступчивостью и неспособностью противостоять замыслам окружения. Инициатором последующих гонений явился его «коллега» Максимиан Галерий, которого Лактанций именуется не иначе как «тварью».

«Спустя некоторое время, — пишет Лактанций, — он (Диоклетиан) приехал в Вифинию на зимовку. Тогда же туда приехал и цезарь Максимиан (Галерий), распаленный преступными желаниями подстрекать Диоклетиана к преследованию христиан, начало чему он уже положил»⁷⁹. Однако тут проявилась осмотрительность и даже мудрость Диоклетиана, признанная Лактанцием. Дело в том, что «Диоклетиан долго сопротивлялся ярости цезаря, показывая, что было бы опасно беспокоить державу, проливая кровь многих людей»⁸⁰. Связано

⁷⁴ *Lactantius. De mortibus...* X. 1–3 (*Лактанций. О смертях преследователей...* С. 146–148).

⁷⁵ *Lactantius. De mortibus...* X. 4 (Там же. С. 148).

⁷⁶ *Ibidem.* (Там же).

⁷⁷ *Лебедев А.П. Эпоха гонений на христиан...* С. 139.

⁷⁸ *Казаков М.М. Христианизация Римской империи...* С. 121.

⁷⁹ *Lactantius. De mortibus...* X. 6 (*Лактанций. О смертях преследователей...* С. 149).

⁸⁰ *Ibidem.* XI. 3 (Там же. С. 150).

это с тем, что «и Диоклетиан, и его сторонники осознавали опасность последствий гонения на христиан, способного разрушить хрупкий мир в империи»⁸¹. Последнее ни в коей мере не вписывалось в важнейшую цель всего диоклетиановского правления — восстановления империи, укрепления ее внутреннего единства. Однако, император, по мнению Лактанция, уступил. «Он не смог отвести безумие этого буйного человека (Максимиана) и поэтому решил предоставить решение этого дела народу»⁸².

В связи с этим христианский мыслитель обращает внимание на присущие Диоклетиану хитрость, коварство и жестокость. Он пишет: «Ведь таков был его подлый характер, что если он решил совершить что-либо хорошее, то делал это не советуясь, чтобы хвалили его одного; и приглашал многих на совет, чтобы присовокупить вину других к собственным прегрешениям»⁸³. И все же «император не склонился к тому, чтобы вынести окончательное решение. Он пытался проявить сдержанность, приказав провести это мероприятие без кровопролития, тогда как цезарь хотел сжигать живьем тех, кто противился жертвоприношениям»⁸⁴. Следовательно, и здесь Лактанций вынужден признать умеренность и разумность Диоклетиана.

Эта умеренность проявлялась и позже, уже в ходе самого гонения. Лактанций так описывает происходившие события: «Подыскивали подходящий день для выполнения дела и, как наиболее подходящий, выбрали Терминалии, приходящиеся на седьмой день до мартовских календ (23 февраля 303 г.), чтобы положить конец этой религии. Когда этот день наступил, неожиданно, еще на рассвете, к Церкви подошел префект с военачальниками, трибунами и казначеями и, открыв двери, стал искать Образ Божий, сжигая найденные писания и раздавая всем добычу. Началось разграбление, поднялась суета и смятение»⁸⁵. Однако начавшаяся анархия была остановлена именно Диоклетианом. Он, как пишет Лактанций, «опасался, что, если устроить большой пожар, можно спалить другой район города»⁸⁶. Хотя, надо признать, это не помешало «в течение нескольких часов» сравнять с землей никомедийский храм⁸⁷.

⁸¹ Казаков М.М. Христианизация Римской империи... С. 122.

⁸² *Lactantius. De mortibus...* XI. 4 (Лактанций. О смертях преследователей... С. 150–151).

⁸³ *Ibidem.* XI. 5 (Там же. С. 151).

⁸⁴ *Ibidem.* XI. 7–8 (Там же. С. 151–152).

⁸⁵ *Ibidem.* XII. 1–3 (Там же. С. 152–154).

⁸⁶ *Ibidem.* XII. 4 (Там же. С. 154–155).

⁸⁷ *Ibidem.* XII. 5 (Там же. С. 155).

Можно предположить, что автор трактата был непосредственным свидетелем описываемых событий, оставаясь на всем протяжении гонения в Никомедии или ее окрестностях⁸⁸. Это объясняет подробность и яркую эмоциональную окрашенность его повествования.

Дальнейшие события также развивались под воздействием начавшегося ранее противостояния Диоклетиана и его нечестивого соправителя Галерия. На следующий день после разрушения никомедийского храма, свидетелем которого, видимо, оказался Лактанций⁸⁹, «был издан эдикт, согласно которому людей, исповедовавших христианство, следовало лишать всякого почета и достоинства, подвергнуть пыткам и ... все они подлежали судебному преследованию. Сами же они не могли высказываться ни о несправедливостях, ни о прелюбодеянии, ни о грабежах, в конце концов, они лишались и свободы слова»⁹⁰. Иными словами, указ был направлен на ограничение прав христиан при дворе и в армии и, по сути, положил юридическое основание Великому гонению⁹¹.

Однако, как указывает Лактанций, цезарь (т.е. Максимиан) «не был доволен статьями эдикта». «Он готовился склонить Диоклетиана к иным мерам. А именно, чтобы подвинуть его к объявлению более жестоких гонений ...»⁹². Для этого цезарь «тайно подговорил слуг поджечь дворец», в чем обвинили христиан «как врагов народа»⁹³. И это подействовало. «Диоклетиан, который всегда хотел выглядеть хитрым и сведущим, ничего не мог заподозрить, но, воспламенившись гневом, начал тотчас же истреблять всех своих приближенных. Он сам заседал в суде и пытал огнем невинных ...»⁹⁴. Даже несмотря на это, «спустя пятнадцать дней был предпринят новый поджог»⁹⁵.

Таким образом, не только христиане, но и сам Диоклетиан стал жертвой коварных замыслов рвущегося к власти цезаря. В данном случае он предстает в повествовании Лактанция как недальновидный политик, легко поддающийся на провокации своего окружения. Проявил себя Диоклетиан, по мнению христианского историка, как человек недалекий и крайне жестокий. Причем жестокость его была безудержна, беспощадна и, одновременно, бессмысленна. «Им-

⁸⁸ *Christensen A.S. Lactantius the Historian... P. 42.*

⁸⁹ *Тюленев В.М. Лактанций... С. 10.*

⁹⁰ *Lactantius. De mortibus... XIII. 1 (Лактанций. О смертях преследователей... С. 155–156).*

⁹¹ *Тюленев В.М. Лактанций... С. 10.*

⁹² *Lactantius. De mortibus... XIV. 1–2 (Лактанций. О смертях преследователей... С. 156–157).*

⁹³ *Ibidem. XIV. 2 (Там же. С. 157).*

⁹⁴ *Ibidem. XIV. 3–4 (Там же. С. 157).*

⁹⁵ *Ibidem. XIV. 6 (Там же. С. 157–158).*

ператор начал свирепствовать не только против придворных, но и против всех; прежде всего он принудил дочь свою Валерию и жену Приску оскверниться жертвоприношениями. Могущественных евнухов убивали. Всех людей ... сгоняли на костер; прислугу же топили в море»⁹⁶. Развязанное кровопролитие вызвало цепную реакцию, ибо «не менее дикое гонение коснулось и прочего народа, ведь судьи, рассеявшись по храмам, гнали всех на жертвоприношения. Застенки были полны. Выдумывались неслыханные виды пыток»⁹⁷. Далее письма были отправлены другим тетрархам, «чтобы они делали то же самое, их же собственное мнение в таких делах не принималось во внимание»⁹⁸.

Итак, начавшееся, по сути, стихийно, как представляет дело Лактанций, гонение в короткий срок накрыло волной безумий и дикости всю империю. Оно приобрело массовый характер и стало по истине «Великим». Вина за это возлагается писателем в первую очередь на Максимиана Галерия — инициатора и вдохновителя развязанного против христиан террора. Однако Лактанций ни в коей мере не снимает ответственности за произошедшее и с Диоклетиана, который в силу уступчивости, недалекости, вспыльчивости и жестокости, умело использованных Галерием, стал кровавым гонителем христиан. В результате империя погрузилась в пучину жестокости и террора. «Вся земля, — как пишет он, — угнеталась от Запада до Востока» и повсюду «свирепствовали жестокие твари»⁹⁹.

Однако преступления, совершенные Диоклетианом, не остались безнаказанными. Собственно говоря, идея наказания нечестивых императоров, как уже было отмечено, является фундаментом создаваемой автором концепции¹⁰⁰. Связь между действием героя и реакцией на него со стороны Бога у Лактанция непосредственна¹⁰¹.

Несмотря на то, что «Диоклетиан прекратил злодейства, ибо от него уже отвернулось счастье»¹⁰², он «был так поражен слабостью, что за его жизнь просили у всех богов, пока в декабрьские календы (декабрь 304 г.) по двору не стал распространяться траур, среди судей — тоска и рыдания, а по всему городу суматоха и безмолвие. Поговаривали, что он не только умер, но и погребен ...»¹⁰³.

⁹⁶ *Ibidem.* XV. 1–2 (Там же. С. 158–159).

⁹⁷ *Ibidem.* XIV. 4–5 (Там же. С. 157).

⁹⁸ *Ibidem.* XV. 6 (Там же. С. 160).

⁹⁹ *Ibidem.* XVI. 1 (Там же. С. 161).

¹⁰⁰ Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии... С. 45.

¹⁰¹ Там же. С. 46.

¹⁰² *Lactantius. De mortibus...* XVII. 1 (*Лактанций. О смертях преследователей...* С. 165).

¹⁰³ *Ibidem.* XVII. 5–6 (Там же. С. 167).

Однако этим все не ограничилось. «Через несколько дней приехал цезарь (Максимиан Галерий), чтобы заставить его (Диоклетиана) уступить власть. ... он подступил к Диоклетиану сначала кротко и дружелюбно, говоря, что тот уже стар, не особо крепок здоровьем, не способен к управлению государством и что ему нужно отдохнуть ...»¹⁰⁴. Однако затем он заявил, что лично позаботится о себе, чтобы не быть больше младшим и крайним¹⁰⁵. «Услышав это, ослабленный старик, ... который узнал, что цезарь увеличивает войско, со слезами ответил: «Пусть будет так, если им так хочется ...»¹⁰⁶. «Когда все было решено, Диоклетиан в майские календы появился на людях. Созвали солдатское собрание, на котором он с плачем обратился к воинам, говоря, что уже нездоров ... и передает власть более крепким ...»¹⁰⁷. Таким образом, Диоклетиан за свои прегрешения лишился всего, а государство погрузилось в пучину новой борьбы за власть.

Лактанций, следовательно, обнаруживает провиденциальную связь между судьбами христианства, императора и возглавляемого им государства. Пока христиане пользовались плодами мирной жизни, государство процветало, его император благоденствовал. Когда же они подверглись притеснению, правитель лишается власти, а империя — спокойствия. «Максимиан ... делал что хотел...»¹⁰⁸. «Достигнув верховной власти, он обратил мысли к угнетению всего мира...»¹⁰⁹. «Истязания, испытанные на христианах, он применял по привычке против всех людей. У него не было никаких легких наказаний — ни ссылки на острова, ни застенков, ни рудников, а такие как огонь, крест, растерзание зверьми исполнялись при нем ежедневно. Дворцовые слуги и управляющие умирялись копьем. Обезглавливание и казнь мечем относились к случаям весьма редким и являлись почти милостью...»¹¹⁰.

Иными словами, ответственность за бедствия, обрушившиеся на христиан, нес не только Диоклетиан, но и вся Римская империя.

Конец же императора был для Лактанция закономерен. «Когда Диоклетиан увидел, что он слабее всех императоров, когда-либо живших, то, будучи измучен недугом, довел себя до смерти. Он метался туда-сюда в лихорадоч-

¹⁰⁴ Ibidem. XVIII. 1–4 (Там же. С. 168–170).

¹⁰⁵ Ibidem. XVIII. 6 (Там же. С. 171).

¹⁰⁶ Ibidem. XVIII. 7 (Там же).

¹⁰⁷ Ibidem. XIX. 1–3 (Там же. С. 176–178).

¹⁰⁸ Ibidem. XX. 1 (Там же. С. 179).

¹⁰⁹ Ibidem. XXI. 1 (Там же. С. 181).

¹¹⁰ Ibidem. XXII. 1–3 (Там же. С. 183–184).

ном возбуждении, не погружался в сон и не принимал пищи от боли. Он стонал и сетовал, проливая обильные слезы, и постоянно опрокидывался то на ложе, то на землю. Так император, правивший двадцать лет, но сброшенный Богом до столь ничтожной жизни, растоптанный беззакониями и доведенный до отворачивания к жизни, в конце концов, был уничтожен голодом и меланхолией»¹¹¹.

Итак, что же можно сказать в заключении? Будучи малоинформативным источником с точки зрения изучения вопросов государственно-политического и, тем более, социально-экономического развития Поздней Римской империи, сочинение Лактанция, использование которого требует большой осторожности в силу его крайней тенденциозности¹¹², тем не менее, представляет большой интерес в контексте изучения позднеримской общественной мысли, религиозных учений, отражая настроения, царившие в среде христианской интеллигенции, ее отношение к власти и государству.

Следует заметить, что сама фигура Диоклетиана для Лактанция вторична. Первична же для него история христиан, христианской Церкви и ее судьбы в недрах римской истории.

Вместе с тем, труд Лактанция, целью которого является свидетельство о судьбе нечестивых императоров, угнетавших христиан, позволяет сделать ряд замечаний о Диоклетиане как личности и политике. Нужно сказать, что автор вовсе не склонен рассматривать этого правителя как великого императора, восстановителя империи и мира. Он вообще не говорит о Диоклетиане практически ничего хорошего. Напротив, Лактанций акцентирует внимание на негативных чертах его характера. Диоклетиан предстает в повествовании христианского мыслителя как человек алчный, жестокий, завистливый, хитрый и коварный. Лактанций называет его «мастером злодейств и убийств» и вообще «виновником всех бедствий». Вместе с тем, он обращает внимание и на такие качества императора, как нерешительность, трусость, слабость характера. С названной оценкой контрастирует проскальзывающее в повествовании Лактанция признание разумности Диоклетиана, его осторожности и осмотрительности.

Указанные черты накладывали непосредственный отпечаток и на характер правления Диоклетиана, для которого, по мнению Лактанция, были свойственны непоследовательность, непродуманность принимаемых решений, которые, по большей части, были обусловлены эмоциональным состоянием императора и влиянием окружения, что еще раз подчеркивает слабость и зависимость Диоклетиана как политического лидера.

¹¹¹Ibidem. XLII. 2–3 (Там же. С. 227–228).

¹¹²Князький И.О. Император Диоклетиан... С. 16.

Однако еще более важно то, что сочинение Лактанция, акцентируя внимание на вопросах взаимодействия государства и христианской Церкви, ясно указывает на недостаточную эффективность создаваемой Диоклетианом государственно-политической системы. Одних военно-административных реформ было недостаточно для восстановления и упрочения империи.¹¹³ Диоклетиан осознавал это. Отсюда и возникает тот самый «последний параграф»¹¹⁴ в его политической программе, нацеленный на уничтожение христианства.

Однако именно здесь в системе и произошел сбой. Несмотря на то, что по масштабам диоклетианово гонение превзошло все прежние, его следствием стало не уничтожение христианства и христианской Церкви, а рост авторитета этой религии, сопровождаемый увеличением численности ее приверженцев. Иными словами, эффект оказался обратным: чем большим гонениям христианство подвергалось, тем более популярным оно становилось¹¹⁵. Этого не учитывали ни Диоклетиан, ни Галерий. И на это однозначно указывает Лактанций.

Таким образом, неэффективность государства и проводимой в культурно-идеологической плоскости Диоклетианом политики сочеталось со все возрастающей эффективностью христианства как социокультурного и даже политического института. Конфронтация между государством и христианством, между этими двумя нуждающимися друг в друге системами, ни в коей мере не способствовала усилению империи, а, напротив, грозила ей всевозможными опасностями.

Следовательно, отмечая неразумность и губительность политики Диоклетиана, Лактанций совершенно прав. Гонение на христиан, стремление уничтожить христианскую веру фактически перечеркивало предпринятые этим императором в целях восстановления империи преобразования, способствуя росту напряженности в позднеримском обществе.

В свою же очередь эта ошибка, видимо, в полной мере была осознана Константином, который, продолжая начатую при Диоклетиане модернизацию государственно-политических и социально-экономических отношений в Римской империи, самым радикальным образом изменил взаимоотношения между государством и христианством, стремясь соединить их сильные стороны и извлечь многочисленные выгоды, которые сулило империи сотрудничество с Церковью, во благо сохранения и развития римского государства.

¹¹³История Византии. Т. 1. М., 1967. С. 164.

¹¹⁴Поснов М.Э. История христианской Церкви... С. 95.

¹¹⁵Казakov М.М. Римская империя: от принципата к доминату // Актуальные проблемы государства и права: VIII Кирилло-Мефодиевские чтения. Сборник научных статей. Смоленск, 2002. С. 41.

Источники и литература

1. История Византии. Т. 1. М., 1967. 524 с.
2. История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988. 704 с.
3. Казаков М.М. Проблема христианизации Римской империи // Исследования по зарубежной истории. Смоленск, 2000. С. 196–204.
4. Казаков М.М. Римская империя: от принципата к доминату // Актуальные проблемы государства и права: VIII Кирилло-Мефодиевские чтения. Сборник научных статей. Смоленск, 2002. С. 27–42.
5. Казаков М.М. Тетрархия и доминат: политический эксперимент и историческая практика // Проблемы государственно-политического развития истории стран Европы: Сборник научных статей. Смоленск, 2004. С. 11–21.
6. Казаков М.М. Христианизация Римской империи в IV веке. Смоленск, 2002. 464 с.
7. Казаков М.М. Христианская Церковь и Римская империя в IV веке // Очерки истории христианской Церкви в Европе (Античность, Средние века, Реформация). Смоленск, 1999. С. 24–44.
8. Князький И.О. Император Диоклетиан и конец античного мира. М., 1999. 206 с.
9. Лактанций. О смертях преследователей. Пер. В.М. Тюленева. СПб., 1998. 282 с.
10. Лебедев А.П. Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX в. СПб., 1903. 610 + IX с.
11. Лебедев А.П. Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом. СПб., 2006. 352 с.
12. Поснов М.Э. История христианской Церкви (до разделения Церквей — 1054 г.). Брюссель, 1964. 614 с.
13. Тюленев В.М. Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох. СПб., 2000. 319 с.
14. Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии: С приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. СПб., 2005. 286 + 1 с.

15. *Alfoldi A.* The Conversion of Constantine and Pagan Rome. Oxford, 1948. 140 p.
16. *Barnes T.D.* Constantine and Eusebius. Cambridge, 1981. 458 p.
17. *Brown P.* The Making of Late Antiquity. Cambridge, 1993. 148 p.
18. *Bury J.B.* A History of the Later Roman Empire. From the Death of Theodosius I to the Death of Justinian (A.D. 395 to A.D. 565). Vol. I. London, 1923. 471 p.
19. *Cameron A.* The Later Roman Empire. A. D. 284–430. Cambridge, 1993. 256 p.
20. *Christensen A.S.* Lactantius the Historian: An Analysis of the De Mortibus Persecutorum. Copenhagen, 1980. 119 p.
21. *Digeser E.D.* The Making of a Christian Empire: Lactantius and Rome. New York, London, 2000. 199 p.
22. *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire. 284–602. A Social, Economic, and Administrative Survey. Vol. I. Baltimore, 1986. 782 p.
23. *Lactantius.* Opera omnia // Patrologiae cursus completus. Series latina. Ed. J.-P. Migne. S. 6–7. Paris, 1844.
24. *Ogilvie R.M.* The Library of Lactantius. Oxford, 1978. 121 p.
25. The Cambridge Ancient History. Vol. XII. The Crisis of Empire, A.D. 193–337. Cambridge, 2005. 982 p.
26. The Works of Lactantius. Vol. I. Edinburgh, 1871. 487 p.